

Давайте поставим песню Берковского...

Какую-то точку опоры мы потеряли

PhotoXPress

Ведь почему-то казалось, что Берковский будет всегда. Эдакой зоной резервации для приличных людей, где из Ливерпульской гавани всегда по четвергам, а каждая суббота — божественна и неповторима. Плюшевым зверинцем Пегги, разбойным греком на черной корме, усталым Марком Шагалом... Рыжими и гнедыми гривами лошадиного острова, плывущего из последних сил в синем море. Бог мой, как я плакала над этой песней в детстве!

Ну да, стихов не писал. А как умел выбирать! И говорил, что если бы умел, то сочинял бы именно те стихи, которые потом замучили, пытаюсь спеть, как Берковский, — «Гренаду» и «Альма-матер»... А какие песни получались! Вечный признак того, что получались, — многие песни Берковского существуют, как будто были всегда, без имен поэта и композитора. «И песенку эту поныне хранит...», помните, как дальше? Конечно, помните! И помните ведь — именно глуховатым голосом Вик-Семеныча и с его забавной манерой произносить некоторые слова. И его песни легко проходили проверку вечностью бесчинной, и душа оставалась с тобой. А много ли надо порядочному человеку?!

Жалко, жалко Берковского. Жалко не дежурным «спи-спокойно-прости-не-забудем», а колючим комком у горла, когда понимаешь, что ворчать на окружающий мир он больше не будет. В последний год ему трудно было ходить, и он в процессе разговора обнимал собеседника, опираясь на него, и тиранил близких уже не жестко, а беспомощно...

И голос его с последнего альбома звучит неуверенно. И все равно казалось, что он переболеет — и снова забудет слова «Амазонки» на сцене, и снова будет с явным удовольствием купаться в лучах своей славы.

Однажды он был у меня на передаче, во время которой звукорежиссер подпевал каждой песне. Выйдя из студии, Берковский спросил, не я ли заставила звукорежиссера ознакомиться с его творчеством, чтобы ему было приятно.

— Виктор Семенович, вы считаете, что ваших песен не знают?

Он в ответ хитренько так заулыбался...

Когда человек долго болеет, его уход кажется всем уже в какой-то степени извращением, самого — от неудобств и боли, а близких — от натужного оптимизма. А про Берковского снова хочется плакать. Ставишь пластинку на проигрыватель, сидишь и плачешь. И понимаешь, что, как водится в нашей жизни, не поговорили...

Лечили его всем миром. Когда пару лет назад ему нужно было лекарство, сначала советовались по телефону с израильским доктором, потом в Детройте находился доктор, выписывавший рецепт, потом на перекладных через Вашингтон лекарство добиралось до Москвы, потом шли переговоры, а не проконсультировать ли его в Германии.

Любили его тоже всем миром. Несколько дней назад, во время передачи памяти Берковского, мне пришло сообщение по интернету: «Не знали, что это

случилось. Теперь осиротели. Поставьте песню Берковского, погорюем вместе». И обратный адрес — Оттава.

А еще он был как-то очень по-обыкновенному порядочен. Без пиетета к собственным поступкам. Я знаю несколько таких поступков, о которых и говорить неудобно, поскольку совершались они без пафосного самоотречения, а между делом. Прямо по песне — выбираю тоже как умею, ни к кому претензий не имею: каждый выбирает для себя.

Когда 22 июля узнали, что его больше нет, все стали панически так перезваниваться. Уже изменить ничего не могли, уже знали, что это правда, и звонили, звонили друг другу — чтобы прислониться. Значит, какую-то точку опоры мы потеряли.

В больнице у него был приемник с нашим «Эхом». И практически каждое воскресенье в музыкальную программу приходили от слушателей даже не просьбы, а заклинания: пусть у Берковского будет все хорошо, поставьте его песню. Не помню. Все хорошо уже не будет у нас. Поставьте песню Берковского.

А давайте поставим, прямо на газетном листе разбросав аккорды и волшебные строчки Булата Шалвовича. И пошлем своих счастливых женщин оплакивать каждого из них.

● Наталья БОЛТЯНСКАЯ, специально для «Новой»

Мой город засыпает...

Музыка В. Берковского
Стихи Б. Окуджавы

A D A
Мой город засыпает. А мне-то что с того?

E7 A
Ну что с того, ну что с того?

D A
Я был его ребенком, я нянькой был его...

E7 A
Ну что с того, ну что с того?

A7 D
Я был его рабочим, его солдатом был...

H7 E7
Он слишком удивленно всегда меня любил.

A7 D
Он слишком отчужденно мне руку

H7
подавал,

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.

E7 F#m E7
по будням меня помнил, а в праздник

A
забывал.